

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЛЯНОЙ КРЕПОСТИ В БЫРЛАДЕ

Археологические раскопки, произведенные во время трех экспедиций¹ на площади бырладской крепости, послужили основой для ряда историко-археологических выводов, значение которых далеко выходит за ограниченные рамки памятника как такового. В то же время они содействуют и изучению общей истории Молдовы во второй половине XV в.

Хотя основная цель настоящей работы и заключается прежде всего в обобщении выводов исторического характера на основании археологического исследования бырладской крепости, все же, для уяснения общих вопросов, мы считаем полезным предварительно — хотя бы вкратце — описать составные элементы земляной крепости и добытые в ходе раскопок археологические материалы, на основании которых были сформулированы обобщающие выводы.

Расположенная примерно в 600 м к юго-востоку от вокзала города Бырлад и в 150 м к западу от одноименной реки на уступе плато, выступающего с запада на восток в низменной и заливаемой пойме реки, земляная крепость в Бырладе входит в категорию временных не сильно укрепленных фортификаций; их использовали в качестве пункта, где сосредоточивались войска, где стояли дозоры в виду возможных набегов, где можно было оказать нападающим первое сопротивление, позволявшее молдавскому войску выиграть время и занять заранее установленные позиции.

Занимая весь выступ данного плато (около 400 × 100 м), земляная крепость планиметрически приобрела форму рельефа (рис. 1), система же укреплений представлена палисадами, до сих пор не встречавшимися на территории РНР, но издавна известными в других частях Восточной Европы, где их применяли главным образом для укрепления городов².

Все произведенные здесь раскопки доказали, что при сооружении палисада крепости повсюду следовали одной и той же простой технике, а именно: начиная от уровня почвы XV в. вокруг уступа, на котором возвышается крепость,

¹ Археологические исследования в земляной крепости в Бырладе были произведены в 1958, 1961 и 1962 гг.

² Ср. в связи с этим А. Л. Mongait, *Arheo-*

logia in U.R.S.S., Бухарест, стр. 545 и след.; П. А. Раппапорт, *Очерки по истории русского зодчества X—XIII вв.*, в МИА, 52, стр. 78 и след.

выкопали два параллельных и не прерывающихся рва на расстоянии приблизительно 2 м один от другого (рис. 2). В обоих рвах (глубиной примерно в 1,00—1,50 м и шириной в 0,60) были вкопаны столбы толщиной около 0,20—0,25 м на расстоянии 0,60—0,80 м. Столбы каждого ряда затем соединялись горизонтально положенными одна на другую балками. Таким образом соорудили две «стены» одну против другой, а между ними утрамбовали землю³.

Однако вследствие этой утрамбовки создавалась опасность смещения внутренней стены палисада в сторону крепости. Эта стенка все время оставалась свободной внутри крепости в отличие от внешней, подпираемой снаружи прилегающим к ней земляным валом. Стремясь устранить эту опасность, в нескольких местах строители связали обе стенки поперечными балками (рис. 3); там же, где связующие балки отсутствуют, углубили пространство между стенками примерно на 0,25 м от уровня почвы.

Что касается высоты палисада в период его использования, то исследования доказали, что она не превышала 3 м от уровня плато, на котором его построили. На этой высоте в верхней части палисада соорудили круговую дорожку для обхода крепости ее защитниками. С целью их прикрытия от ударов врага, внешняя стенка палисада возвышалась примерно на 1,80 м над дорожкой. Верхняя часть наружной стенки палисада, служившая прикрытием защитникам, по-видимому, не была сооружена из наложенных одна на другую балок, а представляла собой плетень из толстых веток, придававший стене большую гибкость под ударом извне. Местами, вероятно, находились небольшие отверстия, служившие защитникам бойницами.

Наряду с таким образом построенным палисадом бырладская крепость была дополнительно укреплена — но лишь с запада — большим оборонительным рвом шириной примерно в 35 м и глубиной примерно в 4 м от уровня его копания. Ров выкопали, чтобы отделить уступ, на котором возвышалась крепость, от остальной части плато, откуда легче всего было напасть на крепость. С других сторон не было необходимости да и невозможно было выкопать ров, поскольку крепость окружала низменная и заливаемая пойма реки Бырлад.

Извне на всем протяжении палисад был защищен оборонительным валом высотой около 2 м и шириной (у основания) в 5 м. Очевидно, для сооружения вала с тех сторон, где крепость не была защищена оборонительным рвом, насыпали землю, выкопанную вблизи крепости, между тем, как для возведения вала с западной стороны использовали отвалы рва.

Важно, что для усиления обороны западной стороны крепости между прилегающим к палисаду валом и большим защитным рвом возвели промежуточный вал, создав таким образом второй защитный ров меньших размеров, находящийся между валом палисада и промежуточным валом. Последний должен был служить лишним препятствием на пути нападающих с уязвимой стороны крепости: здесь можно было поставить первую линию воинов за пределами крепости.

Дополнительные укрепления с западной стороны оправдывались и наличием с этой стороны входа в крепость, который надо было защищать в первую очередь.

³ В насыпи палисада не нашли никакого археологического материала.

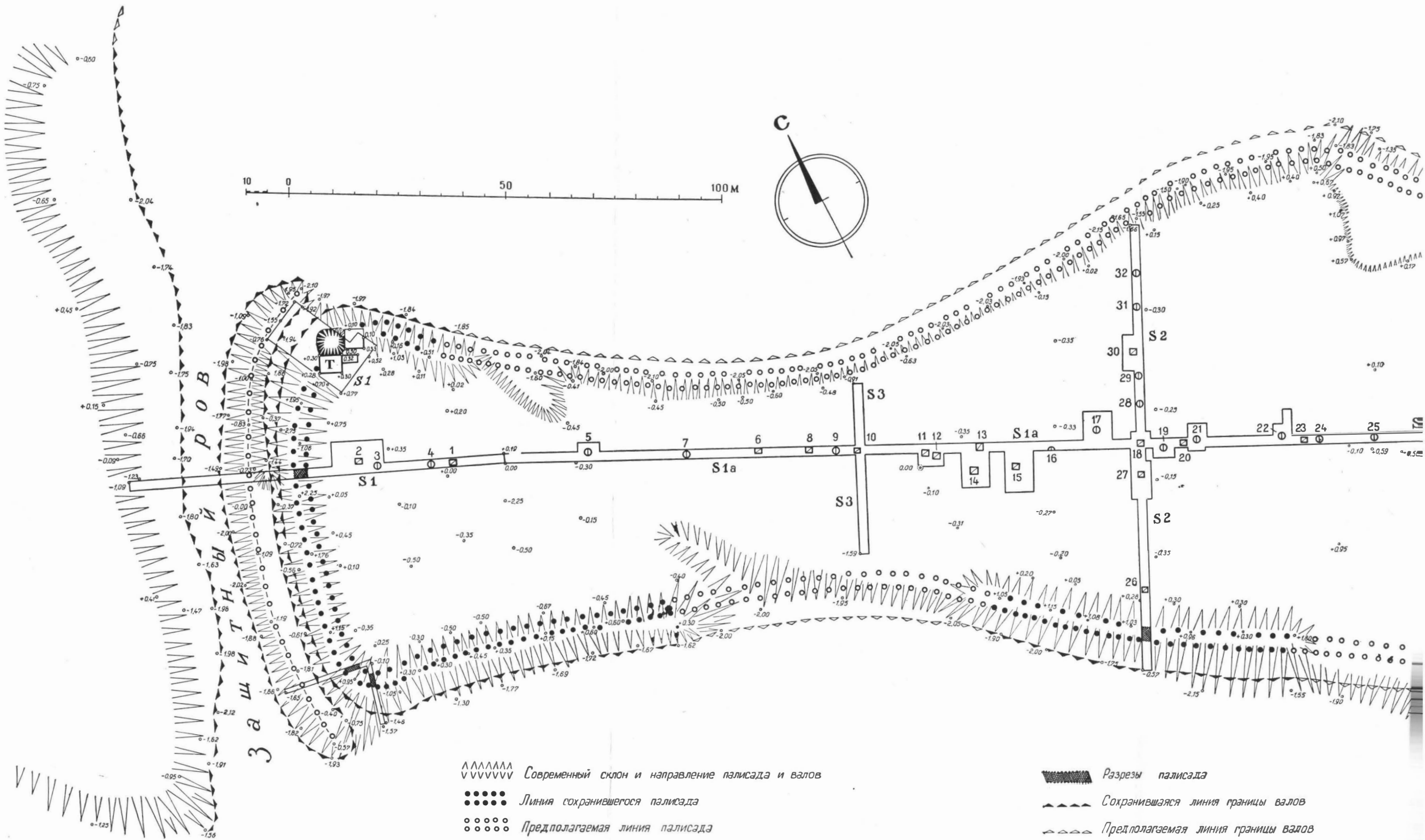

Рис. 1. — Общий план земляной крепости в Бырляде.

Находящийся в северном углу крепости вход образован двумя прямоугольными деревянными башнями (5 × 4 м), расположенными в виде ромбов на линии палисада крепости (рис. 1). Башни построены из горизонтально одна на другую положенных балок; у основания они укреплены камнями. Так как внутреннее помещение башен служило небольшим складом для оружия, пол и стены изнутри были обмазаны глиной. В верхней части башен находились боевые площадки, соединявшиеся с окружным ходом палисада. Башни были покрыты дощатыми крышами.

Вследствие постройки прилегающего сторожевого помещения с юговосточной стороны левой башни собственно вход представляет собой находящийся между башнями корридор в 1,70—1,90 м ширины и примерно 4 м длины. Защиту таким образом построенного входа обеспечивали не только естественно его ограничивающие две башни, но и другие средства. Так, кроме входного корридора, у наружного раскрытия сторон обеих башен была выкопана ромбо видная яма-западня шириной в 7 м и глубиной около 2 м. Над западной был переброшен узкий деревянный мосток, обугленные остатки которого свалились на дно западни.

Если учесть, что перед входом находилось два защитных рва, через которые вероятно также были переброшены узкие деревянные мостки, можно заключить, что с плато в крепость надо было пройти последовательно по трем деревянным мостам и лишь затем по узкому входному корридору.

Выстроенная лишь из земли и дерева согласно древней традиции — особенно в русских областях⁴ — бырладская крепость свидетельствует всеми своими составными элементами о творческом применении знаний и предшествующего опыта к высоким требованиям XV в. Защищающие вход башни и особенно западня перед ними красноречиво говорят об использовании элементов, применявшихся и при укреплении молдавских каменных крепостей XV в., этой подлинной оборонительной системы Молдовы, создателем которой в XV в. был Стефан Великий.

Возведение собственно укрепления, хотя и явилось самой трудной и тяжелой операцией, не исчерпало, однако, всей задачи. Для воинов и командного состава гарнизона крепости на территории, окруженной крепостной стеной, построили три более или менее параллельных ряда жилищ, вытянувшихся вдоль длинной оси крепости. Заслуживает внимания и то, что строители стремились сосредоточить жилища внутри крепости поближе к ее центру. Этим объясняется многочисленность густо расположенных жилищ в центре крепости и вместе с тем меньшее количество редко расположенных жилищ у палисада, где необходимо было свободное пространство для передвижения защитников вокруг палисада.

По своему типу жилища земляной крепости в Бырладе подразделяются на две большие категории: наземные жилища и землянки. Сосуществование двух типов жилищ внутри земляной крепости объясняется найденным в наземных жилищах как археологическим материалом высокой фактуры, так и тщательностью их сооружения по сравнению с землянками; наземные жилища предназначались для начальников, командиров частей, знати, а в землянках помещались рядовые воины, об удобстве которых особенно не заботились⁵.

⁴ Ср. подробнее в связи с этим П. А. Раппапорт, *ук. соч.*, стр. 73 и след., стр. 137 и след.

⁵ М. D. Matei, *Date noi în legătură cu cetatea de pământ de la Birlad*, в SCIV, X, 1, 1959, стр. 122.

В основном, наземные жилища⁶ и землянки все без исключения прямоугольной формы, их очертания неизменно обозначены обугленными остатками балок, иногда довольно хорошо сохранившихся.

Не останавливаясь на способе сооружения составных элементов каждого отдельного типа жилища, мы хотим лишь уточнить, что огромное большинство археологического материала было найдено внутри исследованных жилищ.

★

Обнаруженные в крепости и особенно в ее жилищах археологические материалы имеют огромное значение для изучения материальной культуры Молдовы в эпоху использования крепости потому, что в течение непродолжительного периода времени бырладская крепость была местом, где сходились люди со всех концов страны. Именно чрезвычайное разнообразие археологических материалов, к тому же относящихся лишь к *одному* слою материальной культуры, является достоверным элементом при основательном и разнообразном изучении материальной жизни молдован в эпоху Стефана Великого. Находки в Бырладе немногочисленны, они представляют собой лишь незначительную часть инвентаря крепости, из которой систематически эвакуировали все ценное перед тем, как предать ее сожжению. Правда и то, что по сравнению с другими категориями находок керамика представлена обильнее всего, хотя количественное богатство керамического материала далеко не пропорционально разнообразию его форм.

С точки зрения качества теста, керамика, найденная в отдельных комплексах обитания или в обнаруженном здесь единственном горизонте материальной культуры, непосредственно связанном с этими комплексами, подразделяется на несколько категорий.

I. Богатейшая группа представлена обиходной керамикой, сработанной из теста среднего качества, которое прежде всего отличается тщательно выбранной глиной, без очевидных примесей, а затем — использованием крупнозернистого песка, в качестве обезжиривающего вещества, и иногда наличием зерен известняка. Будучи изготовлены на быстро вращающемся гончарном круге, керамические изделия этой группы отличаются шероховатой поверхностью с обеих сторон; с наружной стороны поверхность глаже, вероятно вследствие намеренного удаления более крупных зерен песка при лепке. В изломе отмечается пористость стенок: деградационное вещество не допускает ни достаточного смешения теста, ни полного прилипания составных частей.

II. Вторая категория теста представлена сравнительно хорошей смесью; при ее изготовлении использован довольно мелкий песок. Лучший состав теста и наличие тонкого обезжиривающего вещества придают сосудам несравненно большую гладкость. Однако качество сосудов этой категории страдает из-за наличия в составе зерен известняка, треснувших при обжиге сосудов и оставивших на обеих сторонах небольшие углубления.

III. Третью — впрочем менее обоснованную — группу (по типу теста) составляют керамические изделия из очень тонкой глины с примесью мелкого, по-видимому, просеянного песка.

⁶ Археологические раскопки отождествили 35 жилищ, из которых 18 наземных и 17 землянок.

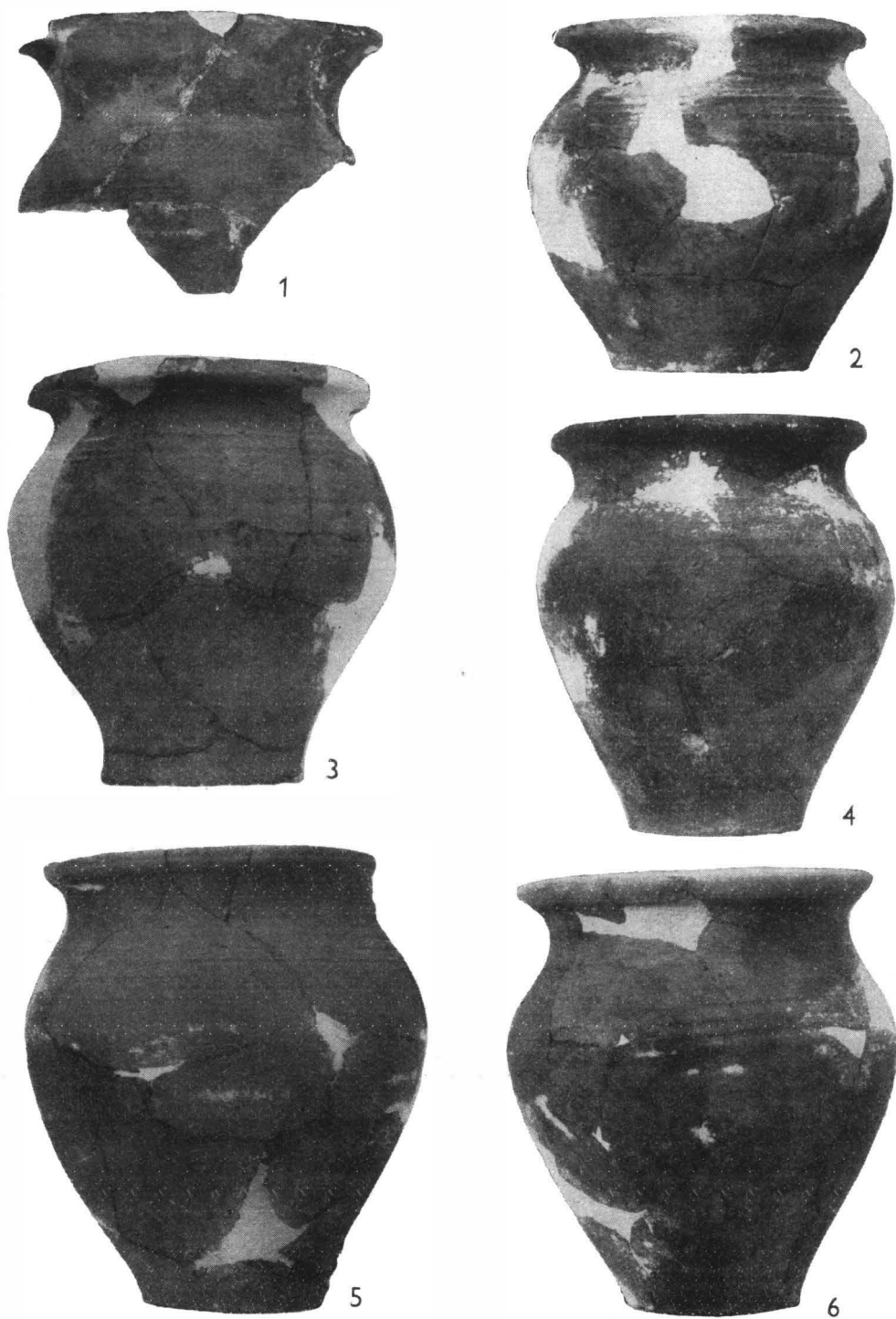

Рис. 4. — Кухонная керамика, найденная в жилищах земляной крепости в Бырладе.

В изломе видно хорошо вымешанное плотное однородное тесто без всякой примеси. Во всех до сих пор *известных* случаях обломки керамики этой категории (по типу теста) представляют с обеих сторон, особенно с наружной стороны, совершенно гладкую и «бархатистую» поверхность. Более того, хотя стенки сосудов и отличаются во всей толще равномерно серым цветом, свидетельствующим об обжиге в закрытой печи, цвет поверхности с обеих сторон светлее, чем в изломе. Поскольку цвет однороден, независимо от толщины стенки, и поскольку поверхностные слои отличаются несравненно более тонкой структурой, мы считаем, что это объясняется наличием сравнительно толстого слоя ангоба, которым покрывали сосуды.

IV. Наряду с вышеперечисленными категориями керамики, встречающимися не только в Бырладе, но и в более обширных географических ареалах, и вместе с тем характеризующими производство городских ремесленников, в земляной крепости обнаружили и другой вид керамики из высококачественного теста, формы которой являются более архаичными по сравнению с известными формами, широко распространенными в Молдове во второй половине XV века. Учитывая главным образом второй элемент, мы считаем, что эта керамика сельского происхождения: лишь в деревне могли сохраниться формы, бывшие характерными в городах в начале XV в.

Керамические изделия изготовлены из высококачественного теста; в качестве обезжиривающего вещества использован только мелкий песок. Тесто равномерно вымешано и лишено какой-либо примеси.

V. Последняя категория отмеченного в Бырладе в небольшом количестве теста занимает последнее место и в отношении состава и вообще качества. Это обусловлено использованием грубой глины и большой примесью гравия в песке. К тому же тесто было недостаточно вымешано, вследствие чего в изломе видна пористость и пустые промежутки, свидетельствующие о недостаточных знаниях и опыте гончара.

Если с точки зрения качества теста, найденная в Бырладе керамика и отражает несомненно различное происхождение, разные и разнообразные производственные методы, то ее все же связывает общая черта: свыше 99% общего числа изделий сработано на быстро вращающемся кругу. Это наблюдение не лишено значения: если ни в крепости, ни вокруг нее не найдено следов *местного* производства обиходной керамики, то приходится допустить, что различные категории обнаруженной в Бырладе керамики были занесены сюда стоявшими в крепости бойцами молдавского войска. А поскольку известно, что в войска призывались не только горожане, но и, главным образом, крестьяне, логично допустить, что последние приносили с собой и сосуды из сел, из которых они приходили.

Рассматривая вопрос в этом освещении, надо лишний раз подчеркнуть значение исследований в Бырладе, впервые позволяющих определить уровень ремесленного производства молдавской деревни XV в. Пока же можно утверждать, что находка в Бырладе керамических изделий, исключительно изготовленных на быстро вращающемся кругу, с достоверностью свидетельствует об использовании этого приема как в городской ⁷, так и в сельской среде. Все же,

⁷ Об этом облике, хотя бы о находке в Сучаве, ср. Т. Martinovici, *Contribuții la cunoașterea cera-*

micei din a doua jumătate a secolului al XV-lea de pe teritoriul Sucevei, в «Materiale», IV, стр. 361—372.

несмотря на возможность некоторых выводов исторического порядка на основании вышеприведенных соображений, достовернейшим критерием оценки керамики несомненно являются ее формы, конечно, насколько позволяют открытия.

По форме и назначению керамические изделия в Бырладе разделяются на три большие категории:

А. Кухонная и столовая керамика.

Б. Декоративная керамика.

В. Керамика хозяйственного назначения.

А. I — *Кухонная керамика*. Понятие кухонной керамики охватывает категорию сосудов, специально предназначенных для приготовления и варки пищи. Она отличается отсутствием ручек и наличием следов обжига на части поверхности сосудов.

В эту категорию входят сработанные из высококачественного теста большие сосуды-банки (рис. 4/5), небольшие и средней величины сосуды-банки (рис. 4/3, 6), также изготовленные из хорошего теста красного цвета. Украшенные на плече обычными горизонтальными каннелюрами, эти сосуды, в основном, характерны для городского серийного производства.

К этой же категории кухонной керамики принадлежат небольшие и средней величины сосуды⁸ с венчиком в виде буквы «Х» (рис. 4/2), а также некоторые обломки (рис. 4/1), украшенные отпечатанным при помощи колесика стилизованным «елочным» орнаментом или полоской вертикальных линий, чередующихся с иксообразным знаком. Такие не присущие местной традиции⁹ декоративные мотивы появляются на молдавской керамике в конце XIV века (в городе) и вскоре после этого исчезают.

А. II — *Столовая керамика*, представленная сравнительно многочисленными формами, лишняя раз свидетельствует о разнородном характере гарнизона крепости. Прежде всего об этом говорят сосуды очевидной сельской фактуры и происхождения.

С точки зрения форм и происхождения, столовая керамика подразделяется на несколько групп:

а) Кружки с ручкой

б) Стаканы

в) Кубки

г) Миски.

а) *Кружки с ручкой*. Есть два типа: сосуды с ручкой и трехлопастным горлышком и сосуды с ручкой и круглым горлышком.

Самый интересный экземпляр кружек с ручкой и трехлопастным горлышком (рис. 5/4) обобщает основные черты целого типа (см. и рис. 5/3). Более редкий среди столовой керамики «профиль-цоколь» у основания и часто встречающийся

⁸ Такой материал (неопубликованный) нашли и в Романе и в меньшем количестве в Серете (тоже не опубликован). Более многочисленные подобные находки обнаружили в Сучаве (ср. Т. Martinovici, *ук. соч.*).

⁹ Gh. Diaconu și N. Constantinescu, *Cetatea Scheia*, Бухарест, 1960, стр. 70 и след. и рис., 34/1, 5,9; 35/2; 37/1; 2; М. D. Matei, *Unele probleme în legătură cu începuturile vieții orășenești la Suceava*, в SCIV, XI, 1, 1960, стр. 107 и след.

1

2

3

4

Рис. 5. — Столовая керамика, найденная в земляной крепости в Бырладе.

и специфический для местной керамики конца XIV в.¹⁰ орнамент, образуемый полосами из 3—4 выемок и волнообразной линией, свидетельствуют о сельском происхождении сосуда: вышеуказанные архаические черты бытовали в деревне до второй половины XV в.

Единственный целый экземпляр из группы кружек с ручкой и круглым горлышком (рис. 5/2) с ровным венчиком, отмеченным двумя шнуровыми поясками, и с орнаментом из отпечатанных колесиком, различно расположенных косых линий, является достоверным доказательством попытки хронологически определить и датировать запоздалое использование более древних производственных методов.

б) *Стаканы* сравнительно редко попадают среди археологических находок в Молдове и именно поэтому не надо удивляться, что в Бырладе нашли лишь два обломка этой категории керамических изделий. Стаканы изготовлены из довольно хорошего теста. Их профиль напоминает форму сильно раскрытой буквы Х. Если моделировка сосудов не вызывает возражений, то нельзя того же сказать об их глазуровке (с обеих сторон): судя по неравномерно наложенному слою глазури, растекшейся и образовавшей цветные пятна, экземпляры этой категории представляют собой серийное производство среднего качества.

в) *Кубки*. Эта категория представлена единственным целым экземпляром; он является особенно ценным потому, что это уникальный экземпляр, аналогии которого до сих пор не встречались на феодальных поселениях Молдовы. Экземпляр имеет форму перевернутой груши. Отмечается строгое соблюдение пропорций составных частей, пропорциональность ножки и исключительно высокое мастерство сработавшего ее гончара. Высота ножки представляет собой примерно третью часть высоты всего кубка (15,5 см). Основание сильно расширено и снабжено тремя порогами, середина ножки украшена кольцом из девяти спиральных выпуклостей в виде раковины улитки. Этот элемент в такой совокупности впервые появляется в молдавской керамике феодальной эпохи.

Не останавливаясь на других деталях, можно сказать, что этот экземпляр, аналогий которому не нашли даже в Княжеской Сучаве, указывает на высокое положение его собственника и богатство жилища, где он был найден (жилище № 2).

г) *Миски*. Самый известный до сих пор тип миски представлен одним лишь экземпляром. Он сработан из обыкновенного теста. В качестве обезжиривающего вещества использован довольно мелкий песок. Высота миски 8 см, диаметр горлышка 20 см, поперечник дна 10 см. Этот экземпляр резко отличается от других до сих пор известных аналогичных находок двумя существенными особенностями. Во-первых, речь идет о профиле верхней части, имеющем поразительное сходство с венчиком кухонных сосудов: верхняя часть миски утолщена (рис. 6) и отогнута; на ней видна внутренняя выемка, неизменно отмечаемая на всех сосудах, закрывающихся крышкой. Кроме того, миска была снабжена теперь исчезнувшей ручкой-упором, о существовании которой говорят оставшиеся на стенке сосуда неясные, но убедительные следы. Хотя совершенно достоверно, что данный экземпляр обладал ручками, нельзя оспаривать того,

¹⁰ Этот орнамент можно сравнить больше всего с орнаментом на сероглиняных сосудах, с высоким венчиком и ребром по середине, найденным в

Сучаве-Скея (Gh. Diaconu și N. Constantinescu, *ук. соч.*), Сучаве-Шипот (M. D. Matei, *Unele probleme . . .*), в Байе (сведения Дана Теодора).

что он был миской. Это, во-первых, доказано отсутствием следов обжига, которые указывали бы на использование сосуда в качестве сковороды, а во-вторых, отсутствием ножек, обязательных на всех до сих пор известных сосудах-«сковородах»¹¹.

Б. *Декоративная керамика*, обоснованная лишь несколькими фрагментами, заставляет предполагать, что в земляной крепости этой керамикой пользовались лишь для украшения печей наземных жилищ. Большинство фрагментов керамики этой категории является обломками прямоугольных изразцов. Остатки их орнамента сохранились лишь в нескольких случаях. Он состоит из углубленных прямоугольных участков, создающих впечатление ступенчатой лесенки или выступающих брусков.

Чрезвычайная немногочисленность этой категории керамики выявляет временный характер постройки и ее исключительно военный характер.

В. *Последняя категория* — керамика хозяйственного назначения — весьма слабо обоснована. В одном лишь случае удалось полностью восстановить сосуд грушевидной формы с довольно узким горлышком. Он изготовлен из высококачественного теста равномерного кирпично-красного цвета. Этот единственный экземпляр, иллюстрирующий последнюю категорию, находит ближайšie аналогии по форме, но не и по размерам, в экземпляре из Сучавы, найденном в хозяйственном комплексе¹², связанном с Четатя де Скаун.

Заканчивая этот беглый обзор найденной в Бырладе керамики, считаем возможным сделать следующие выводы:

1. Гончарное ремесло достигло, в основном, большого развития в XV веке, в частности, в его второй половине. Что касается техники керамического производства, то быстро вращающийся гончарный круг широко внедряется не только в городе, но и в деревне.

2. В деревне происходят существенные изменения, сильно уменьшившие различия в качестве продукции городских и сельских ремесленников. Сельские гончары разрешили основной вопрос о выборе глины и ее смешивании с обезжиривающим веществом, обеспечивающим сцепление теста.

3. Если в отношении качества теста сельские гончары сильно приблизились к городским (разница между ними становится ничтожной), то с точки зрения

Рис. 6. — Миска с ручкой, вылепленная из грубого теста серого цвета.

¹¹ Более ранние находки в Центральной Европе; в Молдове обнаружены сковороды стандартной формы, датируемые только с начала XV в. (ср. E. Schirmer, *Die deutsche Irdenware des 11.—15. Jahrhunderts im engeren Mitteleuropa*, Уена, 1938; V. Polla-T. Stefanovicova, *Historicko-archeologický výskum Bratislavského Hradu v roku 1958*, Братислава, 1959, стр. 89, рис. XII/5; о бытовании форм, ср. B. Novotný, *Hromadny nález ze*

16 stol. v. Brne, в «*Fontes Archaeologicae Moraviae*», I, табл. XV/81). В Молдове большинство находок этого рода произвели в Сучаве. Материал будет обсуждаться во II томе окончательных докладов об археологическом исследовании гор. Сучава (готовится к печати) (в данный момент ср. «*Materiale*», VII, стр. 612).

¹² «*Materiale*», VI, стр. 683, рис. 3.

форм все еще продолжается борьба между старым и новым, причем в деревне продолжают придерживаться более древних, архаических элементов — давно известных и широко распространенных форм.

4. Хронологическое сосуществование некоторых форм керамики различного происхождения и разделенных многими десятилетиями можно объяснить перестройкой соотношений деревни и города в том смысле, что последний доминирует над первой, городская продукция вытесняет в селах местное ремесленное производство, не выдерживающее конкуренции продуктов из более развитых центров и приходящее в упадок.

А может быть мастера, изготовившие архаические сосуды, пришли из географически далекой местности, отдаленной от крупных центров ремесленного производства. Прежде чем перейти к освещению собственно исторического значения находок, надо рассмотреть вторую большую категорию открытий, а именно, металлические изделия.

Значение их заключается не только в особом разнообразии, но и в научной ценности: их нашли в закрытом комплексе, датировка которого не выдвигает вопроса о недостоверности. Таким образом, они могут послужить критерием типологического и хронологического определения аналогических материалов, найденных в других местах и в неясной обстановке¹³.

По назначению отдельных металлических изделий их надо подразделить на следующие основные группы:

- I. Предметы домашнего обихода и ремесленные инструменты.
- II. Части оружия и военного снаряжения.
- III. Части упряжи и предметы, предназначенные для ухода за лошадьми.
- IV. Другие предметы.

I. Предметы домашнего обихода в основном изготовлены из железа. Встречаются и медные изделия или, по крайней мере, предметы, украшенные элементами из меди.

Первая категория предметов этой группы представлена ножами.

По размерам лучше сохранившихся экземпляров ножи относятся к двум типам. Первый тип — узкие, продолговатые ножи с тонким лезвием (рис. 7/3, 9) и небольшой ручкой, по-видимому часто употреблявшиеся, так как их можно было постоянно носить при себе; второй тип — более тяжеловесные ножи — можно считать настоящими кухонными ножами (рис. 7/10).

Если с точки зрения способа прикрепления ручек между обоими типами нет разницы (в обоих случаях ручки прикреплены заклепками, круглыми в сечении, иногда полными, иногда в виде тонких трубок), то имеется различие в орнаментике: ручки ножей первой категории украшены — по крайней мере иногда — медными кольцами в верхней части (рис. 7/4). Ручки изготовлены как из дерева, так и из кости (рис. 7/8).

¹³ Материалы, сходные с найденными в Бырладе, попадают в большом количестве. Так как, с одной стороны, специфические условия каждого места находки не позволили их более точной датировки, а с другой стороны, продолжительное бытование некоторых типов предметов

не дало возможности установить наиболее распространенные в известный период типы, мы считаем, что необходимо исследовать еще раз уже существующие материалы, найденные, например, в Сучаве, Романе, Байе, Серете, Яссах (если говорить о Молдове), в свете раскопок в Бырладе.

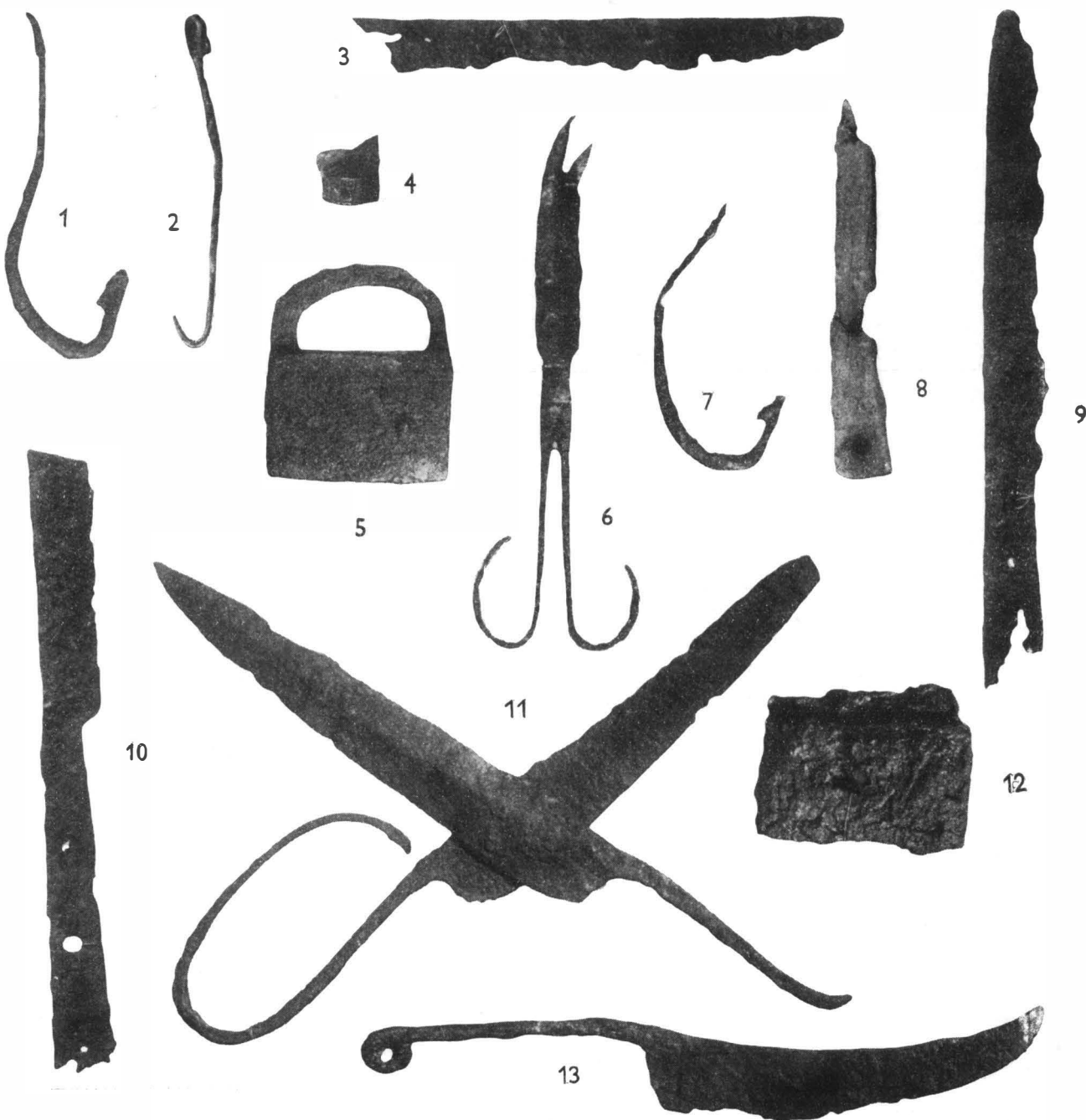

Рис. 7. — Металлические и костяные предметы домашнего обихода. 1, 2, 7, удочки; 3, 9, 10, ножи; 4, кольцо, украшавшее ручку ножа; 5, 12, замки; 6, 11, ножницы; 8, костяная пластинка от ручки ножа; 13, скребок.

Вторая категория предметов домашнего обихода представлена ножницами. Один (рис. 7/6) более тщательно сработанный экземпляр длиной в 14 см, рабочая часть которого равна примерно половине общей длины, несомненно был использован в повседневном хозяйстве.

Второй экземпляр (рис. 7/11), несравненно более грубо сработанный, судя по форме и величине, был предназначен для стрижки овец.

Третью категорию составляют замки. Их параллелипипедическая форма (рис. 7/5), по-видимому, указывает на широкое распространение этого типа. В отличие от других местностей, где были больше распространены трубчатые замки, находки в Бырладе и других пунктах показывают, что в Молдове главным образом бытовал тип замков параллелипипедической формы¹⁴. Находки в Бырладе свидетельствуют не только о главной заботе командующего гарнизона — об организации продовольственного снабжения, но и об использовании областных пищевых ресурсов, в частности рыбы. Кроме найденных при раскопках сравнительно многочисленных рыбных костей, на это указывает и большое количество удочек.

Размеры и типы изделий этой богато представленной категории однообразны. Это показывает, что удочки местного производства. Действительно, за исключением одного экземпляра (тщательно изготовленного из скрученной медной проволоки) (рис. 7/2), все остальные удочки, сработанные из небольших железных брусков, имеют простую форму. Один из концов, заостренный и расширенный с одной стороны (рис. 7/1, 7), образует крючок, препятствующий соскальзыванию рыбы. Многие экземпляры не заканчиваются обычным кольцом, к которому привязывали веревку; это наводит на мысль о местном производстве и неиспользовании части экземпляров. Последним доказательством местного производства удочек является *назначение*, данное части небольших железных брусков, из которых изготавливались стрелы с черенком (как это будет указано в надлежащем месте). Подчеркнем, что длина брусков, предназначенных для изготовления стрел (12—12,5 см), равна длине найденных удочек.

Учитывая характер исследованного нами комплекса, нет ничего удивительного, что среди найденных при археологических раскопках предметов первое место занимают части оружия и военного снаряжения.

II. Что касается оружия, то большинство находок свидетельствуют об интенсивном использовании лука и арбалета в молдавском войске.

С точки зрения форм отметим, что среди бырладских находок есть по крайней мере пять типов наконечников стрел.

Первый наиболее распространенный тип представлен тонкими наконечниками, вычеканенными из небольших железных брусков с квадратным сечением (рис. 8/2). Острие представляет примерно третью часть общей длины бруска (12 см), остальная часть — черенок. Это самый простой из известных в средневековой Молдове типов наконечников стрел; его широкое распространение объясняется тем, что изготовление не представляло трудностей.

Второй тип изящнее, его строение сложнее. Сечение острия имеет ромбовидную форму, грани слегка изогнуты (рис. 8/3). Основание наконечника выде-

¹⁴ Для сравнения с русскими областями см. Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, Москва, 1948, стр. 594; ср. и Н. А. Колчин, *Черная*

металлургия и металлообработка в древней Руси, в МИА, 32, Москва, 1953, стр. 152 и след.

Рис. 8. — Металлические части оружия и военного снаряжения. 1—7, наконечники стрел; 8, болт от арбалета; 9—11, наконечники копий; 12, 15, 16, шпоры в виде подковы; 13, 14, 17, шпоры различных типов.

лено и подчеркнуто добавлением медного кольца. Лишь от кольца начинается черенок, утончающийся слегка к основанию, где он становится острым.

Третий тип, совершенно отличающийся от первых двух, представлен наконечниками в виде плоских листьев (рис. 8/5, 7), с дугообразными краями и с втулкой неизменно конической формы.

Четвертый тип представлен формой, реже встречающейся в открытиях молдавского средневековья. Речь идет о наконечнике, рабочая часть которого является пятой частью общей длины. Она имеет форму половины сильно скошенного и расширенного листа (рис. 8/4). Экземпляр снабжен втулкой.

Последний и самый редкий *тип* наконечников представлен экземпляром с сильно расширенным основанием в ущерб высоте (рис. 8/6). Этот наконечник впервые иллюстрирует в Бырладе способ покрытия железных стрел тонким слоем бронзы.

Дуги арбалетов обычной формы (рис. 8/8) найдены в небольшом количестве, что указывает на меньшее употребление арбалетов по сравнению с луком.

Наконечники копий немногочисленны; однако они интересны не только как находка, но и как показание материального состояния бывших собственников.

Первый тип (рис. 8/10) — самый обычный в XIV—XV вв.: имея форму удлиненного листа¹⁵ с ромбовидным сечением (срединная жилка с обеих сторон), наконечник заканчивается в нижней части втулкой конической формы. Этот тип, несомненно изготовлявшийся в ремесленных мастерских¹⁶, можно было купить, но это было доступно далеко не всем воинам, а лишь зажиточным людям, боярам. Рядовые воины носили скромное оружие деревенского производства, быть может изготовленное ими же самими. Это видно по двум следующим типам с явными недочетами выделки.

Второй тип представлен листовидным наконечником (рис. 8/11), вычеканенным из металлического бруска. Черенок имеет вначале квадратное сечение, потом слегка изогнутое. Простота наконечника и очевидная асимметричность острия выявляют деревенское происхождение экземпляра.

Третий тип похож на предыдущий с той разницей, что он более удлинен и еще грубее сработан (рис. 8/9), что указывает на скромное материальное положение его владельца.

Что касается предметов военного снаряжения, то самые многочисленные и характерные относятся к разряду шпор. С точки зрения формы они подразделяются на три основных типа, причем каждый, по-видимому, указывает и на общественное положение носившего шпоры воина.

Первый простейший тип имеет форму обыкновенной подковы (рис. 8/12, 15, 16), прикреплявшейся к каблукам обуви с помощью зубцов (двух по концам и одного посередине). В отличие от обыкновенных подков, задняя половина шпор этой категории не была закруглена, а заканчивалась более или менее заостренным кончиком.

Найденный лишь в землянках и свидетельствующий об обычае, мало известном по археологическим открытиям в Молдове, этот тип приводит к

¹⁵ Этот тип копы был широко распространен в Европе не только в то время, но и позже. Он считается обычным в ремесленном производстве.

¹⁶ Что касается техники выделки украшений (и наконечников стрел), ср. Н. А. Колчин, *ук. соч.*, стр. 130 и след.

убеждению, что его носителями могли быть рядовые воины, люди со скромным материальным положением. Это новый и ценный показатель различного материального положения в молдавском войске¹⁷.

Второй тип шпор более развит (рис. 8/13), но и он не свидетельствует о богатстве владельца. Несмотря на свою классическую форму, шпоры лишены розетки или колесика и заканчиваются простым стержнем, наличие которого подтверждает непритязательность изделия.

Лишь *последний* из найденных в Бырладе типов шпор имеет форму и принадлежности классического типа. Экземпляры этого типа безупречно выделаны, боковые концы слегка изогнуты и закруглены или расширены, длинный стержень заканчивается розеткой (рис. 8/14, рис. 9).

Разряд шпор, лишний раз доказывающий наличие всадников в составе молдавского войска, дополняется новым свидетельством, а именно находкой удила.

Обнаруженные в Бырладе небольшие удила относятся к простому типу, техника изготовления невысокого качества. Они состоят из двух брусков с круглым сечением, соединенных кольцами, образовавшимися вследствие особого загиба концов. Таким образом, к этим двум брускам удила прикрепляются и боковые кольца. Присутствие всадников в молдавском войске доказано и другими открытиями, в том числе, тоже немногочисленными, стременами седел.

Изготовленные из железа стремяна (рис. 10) свидетельствуют о заботливости их владельцев в момент эвакуации крепости. На это указывает как их немногочисленность, так и то, что на обнаруженных экземплярах видны следы разрушения, предшествовавшего периоду использования крепости.

Что касается техники выделки, то наблюдения указывают на местное производство, поскольку изделия носят отпечаток местных молдавских мастеров.

★

Неоднократно утверждалось, что вторая половина XV в. была одной из самых бурных в военном отношении эпох истории Молдавского княжества и несомненно кульминационным пунктом борьбы за защиту независимости страны. Об этом говорят не только многочисленные военные походы, ознаменовавшие почти полувековое княжение Стефана Великого, но и бесчисленные мероприятия в целях обеспечения прочных и выгодных позиций для молдавского войска, часто сражавшегося в неравном бою с численно превосходящим врагом.

Румынская историография изобилует восторженными похвалами талантливому организатору военного дела, победителю завоевателя Константинополя. В то же время отмечаются и его разносторонние способности, подтверждающие лестную оценку. Талант военачальника поочередно дополняли другие качества и таким образом недавно, лишь на основании археологических раскопок, уста-

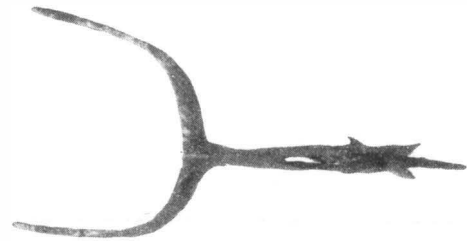

Рис. 9. — Шпора с розеткой.

¹⁷ Ср. В.Т. Cîmpina, *Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare*, в *Studii cu*

privire la Ștefan cel Mare, Бухарест, 1956, стр. 11 и след.

новили чрезвычайно важную в военном отношении истину: в эпоху Стефана Великого Молдова была одной из первых восточно-европейских стран, организовавших оборонительную систему в связи с широким использованием артиллерии¹⁸ при осаде укрепленных пунктов, этого рода оружия, перед которым не устояли даже стены Византии.

Большинство важнейших эпизодов славной военной истории времен Стефана Великого настолько хорошо известны, что можно подойти к обобщающему выводу. Однако от внимания исследователей не ускользнуло, что в изучении чрезвычайно существенного момента борьбы с турками во второй половине XV века, а именно похода 1476 года, есть пробелы, которые нельзя заполнить при помощи одних лишь письменных источников. Если рассматривать события в этом свете, то румынская археология внесла ценный вклад в изучение фактов, оказавшихся более глубокими, чем это предполагали.

Опыт 1475 г., начавшегося под знаком славной победы при Подул Ыналт, не оставляет и тени сомнения в характере дальнейших отношений между Молдовой и Османской империей. Усиленные приготовления, происходившие в маленьком государстве к востоку от Карпат в период, непосредственно последовавший за сокрушительным поражением турецких войск при Васлуе, не только являются достоверным залогом назревающих конфликтов, но в то же время выражают

Рис. 10. — Стремя молдавского типа.

стремление применить сравнительно недавние уроки в области боевой техники. Действительно, достоверные наблюдения положения вещей как в Сучаве, так и в Нямце, неизбежно приводят к заключению, что в 1475 и 1476 гг. по крайней мере эти две могучие крепости оборонительной системы Молдовы¹⁹ были предметом особой заботы господаря. Вероятно, не удовлетворившись лишь приготовлениями этого рода и учитывая непрерывно поступающие угрожающие сведения о несметных полчищах, которые надвигаются на Молдову, Стефан прибегает к ряду мероприятий, в том числе к сооружению в стране временных фортификаций в помощь молдавскому войску. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, к числу этих фортификаций очевидно относятся две: укрепление в долине реки Берхеч и земляная крепость в Бырладе.

¹⁸ Мысль принадлежит В. Вэтэшиану и основывается на изучении новых элементов укреплений в Четатя де Скаун в Сучаве (SCIV, 1954, 1—2, стр. 268). Впоследствии она была возобновлена Г. Дьякону («Dacia», N. S., III, 1959, стр. 353 и след.) и совсем недавно М. Д. Матеем (*Contribuții arheologice la istoria orașului Suceava*, Изд. Акад. РНР, Бухарест, 1963).

¹⁹ Самым убедительным доказательством в этом

смысле является первая фаза постройки внешней сети стен обеих крепостей, с квадратными бастиями (ср. Gh. Diaconu, в «Dacia», N.S., III, 1959, стр. 543—544; М. Д. Matei, *Contribuții*... стр. 118 и след.). Доказательством того, что это был период активной деятельности в указанной области, являются печи для обжига известняка, найденные на плато перед крепостью и изученные Т. Мартиновичем.

Если исследование первого укрепления еще является делом будущего, то второе уже известно теперь. Его изучение вызвало ряд комментариев и выводов, значительно выходящих за рамки простого обсуждения его стратегического назначения или его использования, впрочем весьма краткого, как это показывает совокупность археологических наблюдений.

Существование крепости в непосредственной близости к городу Бырлад, к тому же построенной исключительно из земли и дерева, а также ее расположение именно в этом месте ничуть не являются следствием случайного выбора места. Общеизвестно, что во время похода в 1475 г. турецкие войска следовали по пути, который им облегчал и к которому их в то же время принуждал рельеф местности.

Сравнительно широкая, открывающаяся с юга долина продолжается то суживаясь, то расширяясь до Васлуя, где гряда довольно высоких холмов обрамляет место знаменитой битвы, происшедшей в январе 1475 г. Около г. Бырлада долина суживается примерно до 2 км.

Допустив возможность продвижения турецких войск к северу приблизительно по тому же пути, что и в предыдущей кампании, и стремясь обеспечить за собой широкие возможности нападения на обширном пространстве, впервые в военной истории Молдовы господарь Стефан применил тактику сооружения небольших укреплений в местностях, не защищенных мощными каменными крепостями.

Вышеупомянутые две крепости не были предназначены стать местом, где молдоване могли бы отсиживаться от нападений в течение долгого времени; скорее они были центрами сильных гарнизонов и войск, которые отправляли оттуда в зависимости от передвижения турецких войск по разным направлениям. Более того, занимая всю ширину полосы удобного для передвижения участка вдоль долины реки Бырлад, тамошняя земляная крепость пресекала любую попытку наступления нападающих к северу. К тому же, находясь хотя бы частично на затопляемом участке, крепость не подвергалась опасности нападения или окружения. Это обеспечивало ей таким образом идеальное расположение в качестве опорного пункта армии.

Если с тактической точки зрения благоприятное положение крепости не подлежит никакому сомнению, а местонахождение ее в этой области страны говорит о глубоком понимании господарем возможностей молдавской армии как с точки зрения численности, так и технического оснащения, то вопрос сильно усложняется, если мы обратимся к моменту возведения крепости и к событиям, вызвавшим ее сооружение.

Если исходить из заключений, к которым приводит изложение деталей техники строительства, то временный характер бырладской крепости подтверждается самим фактом необычного возведения укрепления в стране, хорошо защищенной прочными каменными крепостями, составлявшими основу ее оборонительной системы. К этому замечанию надо добавить и другое особого порядка, подтверждающее вышеприведенное, а именно: в крепости, где гарнизон размещался в довольно многочисленных помещениях, сколь бы то ни было продолжительное пребывание прежде всего должно было бы выразиться наличием более или менее плотного и обильного культурного слоя, впрочем обычного в любом комплексе интенсивного обитания. Однако стратиграфические наблю-

дения в пределах крепости убедительно доказали, что не только между жилищами, но и даже в непосредственном соседстве с ними не нашли культурного слоя, а уровень земли в период использования крепости надо было зачастую лишь предполагать или определять в связи с разницей цвета между ним и обрамляющими его слоями.

Установив вышеизложенное нельзя считать исчерпанным и обсуждение датировки крепости: действительно, если ее сооружение во второй половине XV в. подтверждается как совокупностью археологического материала, представляющего собой инвентарь исследованных или вскрытых в незначительном количестве в весьма скудном культурном слое жилищ в пределах крепости, так и четырьмя монетами чеканки Стефана Великого, то обусловливание постройки крепости *исключительно* событиями 1476 г. ведет к более широкой дискуссии.

Как мы уже указали в начале изложения этих заключительных соображений, историки согласны объяснить подготовкой похода 1476 г. как постройку укрепления в долине р. Берхеч, так и возведение бырладской крепости. Не заявляя об этом *expressis verbis*, письменные документы, выпущенные княжеской канцелярией в период, предшествующий нашествию турок, то есть в июне-июле 1476 г., свидетельствуют все же о намеренном пребывании господаря в этой области страны²⁰. Расположение тут молдавского войска, которое Стефан Великий хотел противопоставить гораздо более многочисленной турецкой армии²¹ (и которое и так уже уменьшилось вследствие отправки значительных отрядов против напавших с востока татар)²², обычно объясняют тем, что ограниченная численность его войска не позволяла господарю встретить турок на Дунае (где его легко мог бы атаковать его враг и сторонник турок Лайота²³). С другой стороны, предполагают, что Стефан надеялся соединиться со вспомогательным войском Матвея Корвина²⁴, у которого он неоднократно просил помощи.

Как бы то ни было, достоверно, что в начале июня 1476 г. Стефан Великий находился в Бырладе, откуда он отослал письмо жителям Брашова с просьбой сообщить сведения о движении турецких войск, которых сам господарь ожидает в Бырладе «*in campo cum omni potencia nostra*»²⁵.

От нашего внимания не ускользает то обстоятельство, что можно было бы возразить: даже если господарь и находился в Бырладе накануне июльских событий 1476 г., то это еще не является достоверным доказательством возведения в том месте и в то время крепости, о которой идет речь в настоящей работе. На это возражение можно ответить, основываясь на открытиях в пределах крепости — а именно на монетах. Действительно, если три из найденных в крепости четырех монет являются разменными, выпущенными до 1476 г., то четвертую выпустили в течение этого года²⁶, что заставляет исключить дати-

²⁰ *Documentele lui Ștefan cel Mare*, изд. I. Bogdan, II, стр. 340—341.

²¹ *Donald da Lezze, Historia Turchesca*, изд. I. Ursu, стр. 86.

²² *Gr. Ureche, Letopisețul Țării Moldovei*, изд. P. P. Panaitescu, стр. 95.

²³ *Istoria României*, II, Бухарест, 1962, стр. 520.

²⁴ В этом смысле нужно понимать и переговоры между Стефаном и Матвеем Корвином летом 1475 г., в ходе которых Стефан признал созеренную зависимость от венгерского короля.

²⁵ *Documentele lui Ștefan cel Mare*, изд. I. Bogdan, II, стр. 339.

²⁶ Идентифицировал О. Илиеску.

ровку крепости *ante quem*. Таким образом, очевидно, что совершенно необходимо отнести постройку земляной крепости в Бырладе к 1476 г. и связать ее с трагическими событиями, совершившимися в июле и августе этого года, хотя бы потому, что за этим годом не последовало событий, которые вызвали бы необходимость возведения подобных сооружений в указанной области.

Впрочем, и ряд других наблюдений указывает на заботы господаря не только в период, предшествовавший турецкому нашествию, но и во время боев. Так, если ценой человеческих усилий и материальных жертв в Бырладе и в долине р. Берхеч были наспех возведены два укрепления, то в момент, когда султан свернул с прежнего пути продвижения к северу, использованного в 1475 г., Стефан Великий не только вывел свои войска из крепостей, но и принял меры к немедленному разрушению последних. Отношение господаря к земляной крепости в Бырладе таким образом не было ни неестественным, ни необдуманым. Напротив, считая опасным простой уход из крепости, которая затем легко могла бы стать опорным пунктом вражеского войска, Стефан отдал приказ об ее сожжении, подобно тому как предавали огню целые области, по которым с трудом продвигались турецкие полчища. Приказ господаря был в точности исполнен и после несомненно систематической эвакуации крепость из земли и дерева была обращена в дымящиеся развалины, от которых потомству достались лишь угли, обожженная земля и не устоявшая перед временем традиция²⁷.

Дальнейшее развитие событий летом 1476 г. и тяжелые испытания, выпавшие на долю страны после сражения при Валя Албэ (26 июля), подтвердили правильность военной тактики Стефана Великого, осознавшего между прочим и необходимость уничтожения бырладского укрепления в момент перемещения театра войны с турками на запад, поскольку в результате этого крепость утрачивала свое значение и смысл. Этим объясняется отсутствие более плотного культурного слоя в пределах земляной крепости в Бырладе, появление которого было невозможно из-за слишком кратковременного использования крепости.

Несмотря на это, земляная крепость в Бырладе сохраняет свое первоначальное значение: она не только отражает усиленные военные мероприятия в ходе борьбы Молдавского княжества за независимость, но является также источником изучения исторических условий жизни молдавского народа во второй половине XV в.

Как характер, так и назначение крепости в Бырладе обусловили то, что в ней мог помещаться любой гарнизон численностью до нескольких тысяч человек. Если даже она и не была его постоянным местопребыванием, то все же могла служить по крайней мере сборным пунктом. В силу вещей, такое сосредоточение людей внутри укрепления не могло не выразиться и действительно выразилось в остатках их материальной культуры, хотя бы и немногочисленных вследствие систематической эвакуации крепости. Эти следы материальной культуры, выявленные археологическими раскопками, естественно, не представляют единообразного характера производства. Различную фактуру можно объяснить разнородным характером войска. Утверждая это, мы не сводим дискуссию только лишь к чрезвычайно сложному, но не имеющему исчерпывающего харак-

²⁷ Наилучшим доказательством в этом смысле является многочисленность мнений об укрепле-

ниях, начиная с Дмитрия Кантемира и кончая новейшими современными историками.

тера в синтетическом обзоре вопросу о социальном составе молдавской армии: к нему надо добавить и другой аспект — разнообразие местностей и областей, откуда стекались воины, собранные вместе в виду военной необходимости в 1476 г.

Если в настоящее время и здесь мы не можем осветить последней стороны вопроса прежде всего из-за недостаточной осведомленности, обусловленной отсутствием широкой исследовательской работы, которая могла бы доставить сравнительный материал, то все же мы не считаем невозможным обсудить в свете бырладских находок — хотя бы в общих чертах — факты и наблюдения в связи с социальным составом молдавской армии.

В надлежащем месте на страницах настоящей работы мы представили многочисленные археологические материалы, сопроводив их и предварительными комментариями и указав их происхождение из той или иной среды. Поэтому нет необходимости возвращаться к деталям технического или другого порядка. Мы ограничимся лишь двумя подытоживающими заключениями, к которым неизбежно приводят отмеченные различия.

Если даже — как мы указали выше — некоторые письменные источники с достоверностью свидетельствуют о проникновении предметов городской фактуры в сельскую среду²⁸ (что значительно усложняет дискуссию), то в Бырладе не отсутствуют указания на очевидное социальное расслоение в рядах молдавского войска. В этом отношении прежде всего оказывают помощь наблюдения в связи с техникой постройки жилищ на территории крепости и подразделение последних на две большие категории: наземные жилища и полуземлянки или землянки. Очевидно, что при сооружении такой временной постройки, как бырладская крепость, самый факт одновременного бытования двух типов жилища не является знаменательным, если его не дополнить другим наблюдением в силу его систематической проверки. Так, за немногими исключениями, во всех наземных жилищах нашли высококачественный инвентарный материал, между тем как для землянок и полуземлянок характерны лишь материалы посредственного качества и выделки.

Общественное положение обитателей наземных жилищ не только отражается в утвари, найденной в развалинах сожженных домов, но убедительно доказано и планом жилищ, часто состоящих из двух помещений, причем размеры каждого превышают величину землянок. До сих пор сделанные наблюдения не оставляют сомнения в том, что боярам и командирам отдельных войсковых частей, стоявших в Бырладе, был предоставлен комфорт даже во время их короткого пребывания в крепости, чего нельзя сказать об остальных воинах.

Однако это не единственная точка зрения, с которой можно рассматривать археологические раскопки в Бырладе. Кроме вышеупомянутого значения, они важны тем, что дают ценные указания для освещения вопросов более широкого исторического, так сказать общемолдавского значения. Правда, что здесь, как и в других местах²⁹, подобные дискуссии затруднены отсутствием большого количества находок, сопоставление которых с бырладскими могло бы придать

²⁸ Cp. Șt. Olteanu, *Producția meșteșugărească în Moldova și Țara Românească în secolele X—XVII. Probleme de bază în lumina cercetărilor recente*, в «Studii», 4, 1962, стр. 882—884.

²⁹ Cp. M. D. Matei, *Ceramica cenușie de la Suceava și câteva probleme ale arheologiei veacurilor XIV—XV în Moldova*, в *Contribuții arheologice...*

достоверность выводам исторического порядка. Но даже и так можно попытаться сформулировать некоторые мнения — зачастую гипотетического характера — по следующему вопросу: в какой мере находки в Бырладе, именно вследствие очевидного отсутствия их однородности, дают возможность установить и понять общеизвестный расцвет экономической жизни в Молдове при Стефане Великом.

В румынской исторической науке, особенно в последние годы все больше внедрялась точка зрения, согласно которой вторая половина XV в., в отличие от первой, была эпохой значительного роста экономического потенциала Молдовы³⁰. Хотя историки уделяли меньше внимания городам³¹, значение их все же возросло в совокупности хозяйственного производства страны, что в конечном счете вызвало глубокие, знаменательные изменения в отношении княжеской власти к городам³². Постепенно последние все настойчивее вторгаются в политические планы правителей, что вполне естественно и объяснимо, но необычно для первой половины XV в. Результаты некоторых археологических раскопок не только не опровергают этого положения, но и дополняют его, убедительно доказывая количественный и качественный рост деятельности городов в области производства материальных благ³³. Появление новых отраслей ремесленного производства, начало более узкой специализации в рамках того же ремесла, большое разнообразие продуктов и общее повышение их качества являются несомненными для археологов. В этом смысле добрая половина находок в Бырладе красноречиво подтверждает факт развития городского ремесленного производства, преимущественно выразившегося как в высоком качестве продуктов, так и в их разнообразии. Высококачественные керамические изделия, формы которых являются общими для сравнительно отдаленных один от другого центров, свидетельствуют все без исключения о развитой технике производства. Это неизбежно приводит к выводу, что указанное ремесло, одно из самых важных в иерархии специальностей, достигло очевидных успехов. Аналогичные выводы обуславливают изучение других категорий продуктов достоверного городского происхождения, зависящих от других ремесел. Обработка металлов (в рамках которой городское ремесло принимает характер подлинной «стандартизации» продуктов) становится основным занятием; остальные ремесла дополняют картину бурного развития городского хозяйства.

Если найденные в Бырладе материалы достоверно городского происхождения не составляют исключения из вышеуказанного положения, то самый факт их открытия в комплексе, где они не занимают исключительного положе-

³⁰ Для очень глубокого разбора вопроса ср. В.Т. Cîmpina, *Despre rolul genovezilor la gurile Dunării*, в «Studii», III, 1953, стр. 79 и след.

³¹ Ср. более подробно у М. Д. Matei, *În legătură cu vechimea așezării omenești de la Suceava și începuturile orașului*, в *Contribuții arheologice...*, где производится анализ прежних основных положений и положений новой румынской историографии в связи с некоторыми аспектами истории молдавских средневековых городов.

³² В.Т. Cîmpina, *ук. соч.*, *passim*; он же, *Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan*

cel Mare, в *Studii cu privire la Ștefan cel Mare*, Бухарест, 1956, стр. 45 и след.

³³ Исключительное значение по этому вопросу имеют результаты археологических исследований, предпринятых за последние годы на территории молдавских городов эпохи Стефана Великого: в Сучаве, Яссах, Романе, Пьятра Нямц. Повсюду отмечается подлинный экономический подъем, о котором красноречиво свидетельствует наличие и производство некоторых изделий, качественно отличающихся от продуктов первой половины того же века.

ния, значительно облегчает понимание или хотя бы попытку оценки аналогичного процесса, развертывавшегося в деревне.

Если даже оговорки, объективно вызываемые еще начальным этапом исследования жизни румынской средневековой деревни, несомненно обоснованы, то нельзя все же отрицать, по крайней мере, внушительность находок. Исходя из указанного положения, мы полагаем, что нет особого повода считать высоким уровень ремесленного производства в селах.

Очевидно, что как и в городе, наибольшего расцвета там достигло гончарное производство, в развитии которого как ремесла нет никакого сомнения. Действительно, ни одна из археологических находок в Бырладе, как впрочем, и другие материалы, обнаруженные (в ходе раскопок или разведочных исследований) на территории сельских населенных пунктов XV в., не могут привести к иному заключению, чем то, что гончарное производство в деревне превзошло этап удовлетворения хозяйственных потребностей индивидуальным трудом. Впрочем, эти наблюдения, по-видимому, в равной мере подтверждаются и известными письменными памятниками, согласно которым гончарное производство местами достигло объема, позволявшего ремесленникам продавать товар далеко за пределами села, в котором они проживали³⁴. В то же время, однако, такие аргументы можно понять и допустить лишь, если согласиться с тем, что существование странствующих торговцев гончарными изделиями предполагало наличие среды, требующей указанных продуктов и лишенной собственной ремесленной деятельности, которая могла бы удовлетворять спрос. Допустив это, нельзя забывать и то, что даже если о странствующих торговцах гончарными изделиями и не упоминается в документах, такая торговля существовала и занималась ею все в большей и большей мере горожане. Следовательно, ясно, что сельскому гончарному ремеслу недоставало импульса, который облегчил бы и ускорил его развитие до уровня, позволившего бы ему конкурировать с городскими или сельскими центрами мастеров-специалистов. В свете вышеизложенных нетрудно найти естественное объяснение архаичного характера многих из найденных в Бырладе керамических изделий несомненно сельского происхождения.

Эти же причины, разумеется, обуславливают и состояние относительной отсталости ремесла обработки металлов в деревне³⁵. Хотя документы и упоминают о бытовании этого ремесла в селах, в то же время они не дают возможности восстановить список изделий, которые мог бы изготовить сельский мастер. Еще менее они позволяют определить количественный и качественный уровень продукции.

Этот именно пробел пополняют археологические открытия последнего времени, из числа которых бырладские находки являются одними из первых. Таким образом, наряду с ремесленными изделиями удачной технической выделки и достоверного городского происхождения, в исследованных в Бырладе жилищах нашли (почти исключительно в землянках и полужемлянках) металлические

³⁴ В связи с этим в литературе по специальности комментируется содержание некоторых документов, из которых вытекает, что такая торговля гончарными изделиями разрешалась княжеской

властью некоторым сельским общинам (ср. *Documente privind istoria României, A. Moldova*, стр. 342, 343).

³⁵ Ср. St. Olteanu, *ук. соч.*

предметы, фактура которых выдает мастерство сельского ремесленника. Правда, различия менее заметны на предметах домашнего обихода, в меньшей степени отражают с количественной точки зрения возможности сельского ремесла, однако это не лишает другие изделия способности отразить определенный этап развития. Более того, зачастую именно эти последние находки являются более красноречивыми с вышеуказанной точки зрения и свидетельствуют — даже если это допустить только теоретически — об обычае изготовления некоторых изделий самими их владельцами.

Пытаясь доказать справедливость этих предположений, начнем с категории оружия или предметов военного снаряжения. В большинстве случаев включенные нами в эти категории материалы были найдены в жилищах, несомненно предназначенных рядовым воинам, в контексте, не вызывающем никакого сомнения относительно их однородного характера. Если даже и не делать упора на незначительные различия формы в рамках одного и того же типа, нельзя не отметить качественно различного уровня технической выделки. Менее заметные на наконечниках стрел или арбалетах эти различия становятся очевидными как только мы переходим к рассмотрению наконечников копий и даже стремян. Как с точки зрения формы, так и особенно с точки зрения техники работы (первая тесно связана и зависит от технических условий изготовления), некоторые находки в Бырладе могут послужить типичными примерами явной неумелости изготовившего их мастера; другие не позволяют даже допустить мысль, чтобы их мог сработать кто-либо иной кроме владельца.

Следует ли, однако, объяснять не слишком высокий уровень сельского ремесленного производства только массивным внедрением городских изделий в деревню или же надо допустить и другие причины, пополняющие первую и придающие в то же время более широкое содержание процессу экономического развития молдавского средневекового села в XV в.? Нелегко ответить на этот вопрос, но, по нашему мнению, все же возможно. Как бы то ни было, в стремлении шире обосновать подобное положение надо исходить из разбора (который здесь нельзя провести детально) общих внутренних условий развития производства в Молдове XV в. Говоря это, мы имеем в равной мере в виду как присущий селам внутренний процесс роста объема товарного производства, так и тесно связанный с первым процесс развития городов, как основных поставщиков ремесленных изделий и потребителей сырья и сельскохозяйственных продуктов.

В румынской историографии после 1944 г. неоднократно уделялось внимание чрезвычайно важному явлению, отразившемуся в письменных памятниках XV в., а именно росту цен на села³⁶. Аналитическая аргументация этого явления неизбежно приводит к заключению, что даже если повышение цен на села объясняют увеличением числа их жителей, основным элементом, обуславливающим этот процесс, является рост производительности труда и объема продукции сельскохозяйственных товаров³⁷. Понятно, что села не были исклю-

³⁶ B.T. Cimpina, *Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII—XV*, в «Studii», 1, 1953, стр. 223 и след.

³⁷ В сущности, речь идет об общем процессе,

исчерпывающий анализ которого был сделан классиками марксизма-ленинизма (К. Маркс, *Капитал*, III, 2, IV часть). О России ср. B.D. Grekov, *Ţăranii în Rusia*, стр. 559 и след.

чением в это время и что процесс экономического развития сельских населенных пунктов развертывался параллельно с повышением потенциала городского производства. Подобное положение еще более усиливало процесс отделения земледелия от ремесла, необходимость повышения сельскохозяйственной продукции, содействуя и обуславливая ремесленное производство в городах³⁸.

Это диалектическое развитие процесса экономического роста Молдовы было, однако, не в силах открыть широкие перспективы сельскому ремесленному производству, тем более, что слишком хорошо известна тяга в города, охватившая сельских мастеров-специалистов³⁹ и систематически привлекавшая новые силы в города, содействуя таким образом не только непрерывному приросту населения городских населенных пунктов, но и расширению ремесленного производства.

Разумеется, надо предположить, что не все, главным занятием которых было ремесло, покидали села. Об этом свидетельствует хотя бы упоминание письменных источников об их присутствии в селах⁴⁰. В рамках, ограниченных рядом факторов, они развивали в деревне деятельность, частично удовлетворявшую потребности сельских жителей, хотя и не всегда доход от работы доставался самому производителю из-за юридической обстановки, в которой он находился и которая обуславливала и его отношение к продукту труда⁴¹.

Скованное в большой мере специфическими для села условиями и страдающее от конкуренции городских товаров ремесленное производство деревни сталкивалось с часто непреодолимыми трудностями, замедлявшими темпы развития и ограничивавшими возможности его проявления⁴². Это отсутствие благоприятной для бурного развития обстановки соответственно отразилось на качестве продуктов ремесленного производства сельского происхождения. В этом смысле находки в Бырладе дают ценные указания.

Трактовка археологических материалов, выявленных нами в ходе раскопок в Бырладе, а также попытка рассеять сомнения относительно хронологии и назначения крепости часто сопровождаются соображениями очевидно гипо-

³⁸ К. Маркс, *Капитал*, I, Госполитиздат, 1950, стр. 343; о непосредственной связи между возникновением городов и плотностью сельского земледельческого населения-потребителя продуктов ремесленного производства, ср. Стоклицкая-Терешкович.

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, в *Соч.*, 2-ое изд., т. 3, Госполитиздат, 1955, стр. 50—51.

⁴⁰ St. Olteanu, *ук. соч.*

⁴¹ Известны случаи, когда по изданным княжескими канцеляриями документам устанавливаются точные правила деятельности сельских ремесленников, заставляющие их работать лишь в пользу помещика или монастыря, на земле

которого они живут. Таков документ от 5 апреля 1448 г. Господарь Петру, закрепив несколько сел за монастырем в Пояне, постановляет: «Сколько бы ни было скорняков или других ремесленников в этих селах, весь их доход должен идти в пользу монастыря» (*Documente privind istoria României, A. Moldova*, I, (1384—1475), стр. 227).

⁴² Эта сторона еще раз выявляет, но не только она, справедливость положения классиков марксизма-ленинизма согласно которому в феодализме деревня является исходной точкой истории, развитие которой в дальнейшем принимает форму противоположности города и деревни (См. К. Маркс, *Forme premergătoare producției capitaliste*, E.S.P.L.P., Бухарест, 1956, стр. 17).

тетического характера. Мы пытались подчеркнуть его каждый раз, когда этого требовала строгая аргументация, чтобы не препятствовать прослеживанию процесса выяснения значения каждого из обсуждаемых элементов. Поэтому — даже если местами мы сами сознавали, что можно было бы дать более заманчивое толкование некоторым археологическим комплексам или материалам — мы попытались не лишать открытий той значимости, которую им обеспечивает и придает их толкование в целом. Ибо, хотя земляная крепость в Бырладе и представляет собой своего рода уникум, она приобретает особое историко-археологическое значение именно потому, что открывает широкие перспективы для разъяснения вопросов, значительно выходящих за рамки хронологии и территории, к которым они как будто бы сводятся на первый взгляд.

М. Д. МАТЕЙ и Л. КИЦЕСКУ